

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
О-92

Издательство выражает благодарность
за помощь в получении прав
литературному агенту **Ирине Горюновой**

Издательство выражает благодарность
за работу над изданием
литературному редактору **Инге Кузнецовой**
редактору **Роману Волкову**
фотографу **Андрею Федечко**

Охлобыстин, Иван Иванович.

О-92 Песни созвездия гончих псов / Иван Охлобы-
стин. — Москва: Издательство АСТ, 2019. — 304 с. —
(Миры Охлобыстина).

ISBN 978-5-17-115412-7

Сатирическая проза Ивана Охлобыстина повествует о трагикомических приключениях, казалось бы, обывденных героев в простых провинциальных городках. Но пронизательный писатель знает: в жизни вообще нет ничего обычного! Смех и слезы, настоящие человеческие драмы и абсурдистские повороты судеб удерживают наше внимание от первой до последней строки этой фантазмагорической книги. Она и динамит, и фейерверк. Книга как номер сумасшедшего клоуна, который в прошлом был писателем-гуманистом... или физиком-ядерщиком. В лучших традициях Габриэля Гарсиа Маркеса — и в то же время очень по-русски отчетливостью.

УДК 821.161.1-31

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-115412-7

© Текст. Иван Охлобыстин, 2019
© Оформление ООО «Издательство АСТ»
© Фото, Андрей Федченко

НУЛЕВОЙ КИЛОМЕТР

Повесть

НУЛЕВОЙ КИЛОМЕТР

*«Употребление в пищевых целях
опасно для жизни».*

(Надпись на этикетке туалетной
воды «DIOR HOMME»)

Утро, стыдливое, но целеустремленное, как судебный пристав, вырвалось из-за бескрайнего сибирского горизонта, пронзило прохладными лучами вековые чащобы, сверкнуло радугой на влажных от росы обрывках колючей проволоки, свисающих с покосившихся столбиков забора, некогда надежно ограждавшего территорию леспромхоза от губительных прелестей развитого капитализма. Встрепенулись жилистые усть-куломские

петухи, сладострастно зевнули складские сторожевые псы, бытийно хрякнул в сарае боров Индустрий. Вслед за ними проснулся и весь Усть-Куломск.

Ровно в 9.00 вздрогнул на столбе у колодца громкоговоритель хриплым голосом зарубежной исполнительницы музыки соул.

На пороге второго от пруда дома появился начальник планового отдела леспромхоза — Валериан Павлович Рюриков. Он близоруко всмотрелся в стайку галдящих у крыльца воробьев и сказал: «Писю вам, гули, а не хлебушка».

Выразив таким образом свое отношение к дикой неорганизованной природе, Валериан Павлович направился в сторону поселкового клуба. У колодца на перекрестке к нему присоединился бригадир дорожников Прокопенчук.

— Здоровеньки булы, Валериан Павлович! — поприветствовал он начальника планового отдела.

— Гуд монинг, Прокопенчук, — ответил тот и поинтересовался: — Что, я слышал, вместо Штиля Лукова поставят?

— Брехня, — ответил Прокопенчук.

— Это хорошо, что совсем брехня, — кивнул Рюриков. — Помните, как он на элеваторе чуть в зерне не утонул?

— А как же! Это я его багром доставал, — напомнил бригадир. — А как в столярном клее ноги грел? «Болгаркой» полночи выпиливали. Очень жалко Штиля отпускать.

— Что поделаешь? — вздохнул начальник планового отдела. — Это же он меня на начальника планового рекомендовал, но отработал свое Иоганн Иоганнович. По здоровью уходит. Официально справку получил. В Эстонии хутор поставит, корову купит и заживет по-немецки.

— Да, немцы жить умеют, — согласился Прокопенчук и взглянул на часы. — Восемь уже. Надо Штиля до девяти проводить. Иначе магазин откроят.

— Стратегически мыслишь, Прокопенчук, — согласился Рюриков. — Не помню уже — ты за что сидел?

— Так оправдали меня, Валериан Павлович, — уклонившись от прямого ответа, напомнил бригадир.

— Оправдали?! — усмехнулся начальник планового отдела, но видя смущение бригадира, сменил тему: — Как там твои цветы, Микола?

— Четыре луковицы принялись, две японские, одна крымская и одна испанская, — гордо отпартовал тот.

— И охота тебе ползарплаты на импортную траву угроживать?! Тебе же агроном сказал, что они в сибирских условиях не приживутся. Юг нужен, — пожал плечами Валериан Павлович.

— Че он понимает, агроном?! — возмутился Прокопенчук. — У него батько рекетир был.

— При чем тут его отец? Агроном свой в астрале, — возразил начальник планового отдела. — И человек он хороший.

— Очень хороший, — мечтательно улыбнувшись, согласился бригадир, но добавил: — Все равно: будут розы! Я название сорта придумал: «Куломская звезда».

— Хорошее название, — поддержал Рюриков.

У клуба их ждала наиболее сознательная часть коллектива: бригада дорожников Прокопенчука, бригада молдаван во главе с Жорой, секретарша Любочка, главный бухгалтер Ефим Раппопорт, шофер Санька Манукян и, соответственно, сам виновник торжества Штиль. Иоганн Иоганнович держал в правой руке потрепанный чемодан.

— И все имущество? — кивнув на чемодан, любопытствовал начальник планового отдела у Штиля.

— Остальное на карточке, — честно признался он, но тут же поспешил уточнить: — Замки и петли на чемодане железные. Много ли старику надо?!

— Ах, да я вас умоляю, Иоганн Иоганнович! — искренне возмутился Раппопорт. — Какой вы старик?! Вам жить да жить!

— Вот он и собирается, — неумело вставил Жора.

— Господин Штиль, — обратился к отъезжающему начальник планового отдела, — пройдемте в клуб. Для официального прощания. А то скоро автобус придет.

Иоганн Иоганнович устало кивнул и последовал к входным дверям цитадели усть-куломской культуры. Вслед за ним потянулись его бывшие подчиненные.

Собрание открыл Рюриков. Выйдя на сцену и откашлявшись, начальник планового отдела обратился к собравшимся:

— Вам ли, господа трудящиеся, напоминать о заслугах господина Штиля?! Именно под его руководством наш леспромхоз девять лет держал первенство района по заготовке леса. Каждый квартал мы выходили с перевыполнением. Зажили, не постесняюсь сказать, как полагается.

Но всему приходит конец. Мы — люди, господа, и силы наши ограничены природой и Уголовным кодексом. Устал наш дорогой председатель. Сильно устал. Пора ему отдохнуть. Тяжело нам будет без него, но иначе никак. В добрый путь! А теперь слово предоставляется господину Штилю.

Иоганн Иоганнович поднялся с места, взглянул на собравшихся, помолчал и наконец произнес:

— Крышу на складе пора перекрыть. Скоро посыплется. Все.

В наступившей тишине звонко всхлипнула секретарша Любочка. Ее незапланированное рыдание спровоцировало овацию. По завершении оной слово опять взял Рюриков.

— Да, господа, наши чувства словами не выразишь, — подытожил он. — Но и слов из песни не выкинешь. Так и идем «с песней по жизни».

Произнеся идеологически зрелую бессмыслицу, Валериан Павлович призывно взмахнул рукой, обращая взоры присутствующих к занавесу.

На сцену вышел упитанный скаут с двуручной пилой и смычком. Устроившись поудобнее на заблаговременно выставленном стуле, скаут поставил пилу перед собой на одну ручку и принялся елозить по зубчатому полотну смычком. «Ах, мой милый Августин, Августин, Августин! Ах, мой

милый Августин! Все прошло, все!» — понеслось к гипсовой лепнине на потолке клуба.

Спустя двадцать минут заляпанный весенней грязью «пазик» увез Иоганна Иоганновича на встречу новой жизни. А провожавшие его долго смотрели вслед непревзойденному по проходимости шедевру отечественного автопрома, напоминающему сзади писающую девочку. Было во всем этом что-то очень трогательное, а потому немного неприличное. Первым это понял и выразил за всех Прокопенчук.

— Отарбайтился хер Штиль, айда мужики дальше с елками сношаться! — горько пробурчал он и отвесил стоящему рядом щербатому вальщику звонкий подзатыльник.

Отъехав на приличное расстояние от леспромхоза, Штиль остановил машину, вышел на дорогу, огляделся вокруг, вздохнул полной грудью и внятно произнес: «Красота-то какая!»

В это мгновение его накрыла тень пролетающего мимо грузового вертолета.

Знал бы пожилой немецкий труженик, что точно такие же слова прозвучали в кабине летательного аппарата! Их произнес свеженазначенный

директор Усть-Куломского леспромхоза — господин Литвиненко Юлий Иванович, летящий в сопровождении своей супруги Анастасии Петровны и дочери Оленьки в направлении нового места работы.

— Красота-то какая! — любовался открывающимся в иллюминатор видом тайги Юлий Иванович.

— Красота, — согласилась с ним супруга и поинтересовалась: — Как ты думаешь, Юлик, нам долго этой красотой любоваться придется?

— Полгода от силы, Кися, — ответил тот. — Мое назначение в Областную думу практически уже на нужном столе. Нужно быстро совершить что-то героическое и продолжить карьерный рост.

Незаметно подобравшийся к ноге нового председателя песик попробовал вступить с левой брючиной в любовную связь. Литвиненко с отвращением отпихнул песика и обратился к пилоту вертолета:

— Бахов, ты зачем с собой собаку таскаешь? Ты где ее взял?

— Официантка знакомая щенком подарила. Карлос всегда со мной, — не поворачивая головы, объяснил тот. — Талисман. Вертолет — штука опасная. Не планирует.

— Ваня, но хотя бы найди псине подругу, он совсем дикий, — посоветовал Юлий Иванович.

— При нашем с ним графике работы нет времени на личную жизнь. Сегодня там, завтра еще где-нибудь, — пожаловался пилот.

— Ничего, ты со мной месяца на три здесь застрянешь, леспромхоз большой, мобильность передвижения нужна, — успокоил его председатель.

— Будет мобильность, — мотнул головой Бахов.

На совхозном поле, раскатанном землеукладчиком под взлетную полосу, семью нового директора встречал грязный «пазик», управляемый Санькой Манукяном.

— Поприличнее транспорта не было? — хмуро поинтересовался у него Литвиненко.

— Как же не было?! Полно! Только по весне дороги развезло, и на «поприличнее» в Усть-Куломск не пролезем, — ответил тот и добавил: — К концу месяца подсохнет.

— Не будем ждать конца месяца, — постановил Юлий Иванович. — Поехали. Сколько нам ехать?

— К полночи доберемся! — радостно сообщил Санька, забираясь в машину. — Дом вам такой

нарядный приготовили. Два дня красили. Красота! Правда, лаком пока воняет.

— Кому это там памятник? — взглядываясь в вечерний сумрак, поинтересовался Юлий Иванович.

— Леннону, — ответил водитель. — Там территория совхоза начинается. На личные средства трудящихся поставили. Бронза!

— Ленин через «и» пишется, — напомнил Литвиненко, удивляясь наличию в руках вождя мирового пролетариата бронзовой гитары.

— Нет, это не Ленин, а Леннон, — засмеялся Манукян, — американский поэт-песенник. Его гринго за убеждения шлепнули. Тут народ очень культурный. Раньше деревню Жлобино называли, а они на общем собрании ее в Вудсток переименовали. Хороший народ. Мы часто к ним в гости ездим.

— Эва как! — подивился Юлий Иванович, провожая взглядом орлиный профиль невинно убиенного поэта, пока того не растворили вечерние тени.

На рассвете следующего дня нового директора у порога встречали начальник планового отдела и главный бухгалтер с банкой меда в руках.

Юлий Иванович вышел к ним из дома в пижаме, с марлевой повязкой на лице.

— Сопливый, видать, — тихо шепнул начальнику планового отдела Раппопорт. — Столица!

— Тихо! — цыкнул на него Валериан Павлович и обратился к Литвиненко: — Продуло в дороге?

— Лаком несет, — сдирая марлю с лица, пояснил тот. — У Киси ночью галлюцинации были, а дочке нравится.

— Молдаване лаком крыли, — кивнул Рюриков.

— Чего здесь молдаване делают? — удивился директор.

— За лес работают гастарбайтеры, — сообщил Ефим Михайлович. — В Молдавии леса не густо, а строиться надо. Простите за любопытство — вы, случаем, рядом с 15\816 ИТУ коттеджный поселок не строили?

— Строил! И пансионат для ветеранов МВД рядом, — подтвердил Литвиненко. — Откуда знаете?

— Отбывал я там, при прошлом начальнике, Семене Александровиче, — радостно признался главный бухгалтер.

— Да?! Дружил я с Семеном Александровичем, — крякнул встревоженный своей популярностью Юлий Иванович. — И как же вас?..

— По растрате чалился, — опередил его вопрос Раппопорт. — Людская зависть и наветы.

— И много тут таких, как вы? — осторожно уточнил директор.

— Я вас умоляю! Таких, как я, много не бывает. Только я и директор магазина, он по расхищению, — успокоил главный бухгалтер, — остальные на этой «химии» по другим статьям осели.

— Хватит, Фима! — прервал его тираду начальник планового отдела и заверил Литвиненко: — Можете не беспокоиться, господин директор. Народ у нас прогрессивный, трудовая дисциплина на высоте. Основная часть коллектива — поволжские немцы. Двумя кооперативами сюда прибыли. Старый директор Штиль у них председателем на родине был. Нормальные люди в леспромхозе. Только пьют. Так везде пьют. У нас пьют после получки. Три дня, не больше. Все остальное время работают.

— Почему три дня? — не понял Юлий Иванович.

— Пока деньги не кончатся, — пояснил Рюриков. — Потом в Белоборске три дня пьют. Потом в Машковой поляне.

— Тоже три?

— Совершенно верно! Все в порядке выплаты заработной платы: Усть-Куломск, Белоборск, Машкова поляна. К работе возвращаемся тем же порядком. Круговорот водки в природе. КВВП, короче говоря.

— Срывов не было? — нахмурил брови директор.

— Только один, — признался начальник планового отдела. — Пять лет назад баржа с водкой утонула. Пришлось водку из Сыктывкара самолетом высылать. Успели. Даже с перевыполнением плана к концу квартала вышли. Жуть!

— Жуть, — согласился с ним Литвиненко и распорядился: — Соберите вечером бригадиров на планерку. К девяти, предположим. Будем решать, как жить дальше.

— Будем! — восторженно поддержал его инициативу главный бухгалтер и протянул банку: — Попробуйте нашего медку. С поповской пасеки. Другого такого нет. Прямые поставки.

— Почему с поповской? — спросил директор.

— Там поп живет, вдовец, — объяснил Рюриков, — старик совсем, на «покое». Но когда надо, детей крестит и дома освящает. А мед его друг-генерал сюда возит. Кроме них, дороги на пасеку никто не знает.